

Тайфун. Подвиг Шиабиева Ахматнур Муллануровича

Авылдашыбыз Әхмәтнур Мулланур улы Шиабиев узган гасырның 50-нче елларында Тын океан флотында хәрби хезмәт үтә. Шул вакытта ул хезмәт иткән корабль тайфунга эләгеп, Әхмәтнур абый үзен чын герой итеп күрсәтә: ул 2 тәүлек дәм караңгы, салкын трюмда стихия белән көрәшеп җиңүче булып чыга. Бу батырлык турында аның тормыш иптәше Гөлфания апа безгә биргән Тын океан флоты газетасындагы язма белән сайт укучылырын инде таныштырган идек. Бүген Әхмәтнур абый батырлыгы турында “Советская Татария” һәм Бондюж районының “Знамя Октября” газеталарында 1958 елда чыккан язма белән таныштырабыз. Бу тарихи документларны Менделеевск музееың тынгысыз хезмәткәре, безнең сайтның даими укучысы Ольга Смолькова җибәрде. Бик зур рәхмәт аңа!

В ту пору, когда в море бушевал жесточайший шторм, матрос-тихоокеанец Ахмет (Ахматнур) Шабиев (Шиабиев) из деревни Бизяки Бондюжского района Татарской республики, оказался в изолированном помещении. Почти двое суток он провел в одиночестве, в холодном, медленно затопляемом отсеке, ведя самоотверженную борьбу с водой. Ахмет Шабиев стал героем дня у нас на корабле, первым среди тех, кто своей волей, мужеством одержал нелегкую победу над разбушевавшейся стихией, имя которой тайфун.

Тайфун... Это слово моряки произносят с таким же уважением, с каким настоящий джигит называет имя своего не менее храброго противника. Для малодушных и беспечных людей- это страшное слово.

Тайфун- это буря, ломающая на своем пути телеграфные столбы, вырывающая с корнем вековые деревья, разрушающая жилища и даже железнодорожное полотно. Налетая на корабли, тайфун опрокидывает их с необычайной легкостью. Одолеть его могут лишь те, кто привык уважать законы моря.

Тайфун шел на северо-запад со скоростью двадцать девять метров в секунду (около 105 километров в час), вздыбливая за собой море могучими и беспорядочными фонтанами. Он захватил в свои смертельные объятия корабль и двое суток рвал снасти, сбивал волнами расположенные на палубе предметы вооружения, гнул и коробил корпус, обрушивая на нос и корму двухсоттонные массы воды. Лишь на третьи сутки, словно поняв, что

такой орешек, как корабль, ему не по зубам, тайфун отступил, ревущий и озлобленный.

Шторм ушел дальше на север. И вот теперь, в относительно спокойной обстановке (если не брать во внимание качки, которая доходила временами до 37 градусов), видевшие виды моряки начали обсуждать минувшие события.

Много героических дел совершили матросы, старшины и офицеры корабля. Они мужественно боролись со стихией, обеспечивали судну бесперебойный ход, находясь порою на вахте по многу часов, совершали исключительно смелые поступки при выполнении боевых приказов. Но все это происходило на глазах у коллектива, при непосредственной поддержке и участии товарищей. А Шабиев сражался с тайфуном в одиночку. Вот о нем то и пойдет рассказ.

Выполнив задание, корабль возвращался на базу. Ничто не нарушало привычного ритма походной жизни. На боевых постах шли обычные занятия и тренировки, какими насыщены матросские будни.

Первыми признаками надвигающегося тайфуна было резкое падение барометра. Примерно через полчаса усилились порывы ветра, почти сразу же достигшего ураганной силы. Первый водяной вал, ударив с левого борта, разметал по палубе находившихся там моряков. Командир передал по боевой трансляции приказ, категорически запрещающий всякое движение по верхней палубе. Ахмет Шабиев, оставшийся после занятий у себя на боевом посту (пост этот находился в самой корме), чтобы сделать приборку, уже не мог выйти из помещения, так как по палубе «гуляла» волна, и при первой же попытке выйти из помещения его выбросило бы за борт.

Первоначально как будто ничего страшного не было. Единственно, что беспокоило Шабиева- он не успел пообедать! А если моряк в штормовую погоду испытывает потребность в пище, то у нас это считается хорошим признаком, характеризующим волевые качества матроса.

С каждой минутой обстановка осложнялась. Набегавшая с кормы многотонная волна со страшной силой обрушивалась на стальную палубу, под которой находился Шабиев. Корабль резко кренился на борт или оседал кормою. Шабиева бросало из одного угла в другой. Он чувствовал

себя словно в пустой железной бочке, которую поднимают высоко и с силой бросают о землю, а потом начинают стучать по ней тяжелыми молотами. Когда корму поднимает метров на двадцать пять вверх, а потом она начинает резко падать, то человеком овладевает пренеприятное чувство.

Волной выбило палубные фитинги. Вода через образовавшиеся отверстия полилась в помещение. Шабиев попытался забить отверстия, но из этого ничего не вышло. Очередной накат волны выбивал забитые им с превеликим трудом пробки. Вода прибывала, уже поднялась до колен.

Ахмет снял с себя вымокшую одежду. Стало легко работать. Шабиев меньше всего думал о себе. В посту находились ценные приборы. Их надо сохранить во что бы то не стало.

Убедившись, что палубные отверстия заделать не удастся, Шабиев принялся откачивать воду. Когда корма вздымалась через гребень волны, Шабиев открывал донные отверстия и вода вытекала за борт. Когда же корма опять начинала входить в воду, матрос спешно задраивал отверстия и, схватив ведро, вычерпывал воду в раковину умывальника.

Так продолжалось часов десять. Шабиев перенес на верхние полки имущество, приборы, привязал их, укутал резиновыми комбинезонами. Сам же оставался раздетым, в холодной воде, не ощущая ни холода, ни синяков, которые чуть ли не сплошь покрыли его крепкое тело.

Вдруг на палубе раздался страшный грохот. Толстые стальные крепления бомбоскатов не выдержали ударов волны, и тяжелые глубинные бомбы раскатились по палубе.

За двадцать два года службы на флоте мне не раз довелось бывать в жестоких штормах и других переделках. Но с таким положением, когда начиненными взрывчаткой бомбами играет на твоих глазах дьявольская сила, а сотни пар глаз с надстроек наблюдают за этой игрой, не в силах ее прекратить, я столкнулся впервые.

И все же моряки нашли умелое решение этой задачи. Часть бомб была выброшена за борт, а часть закреплена надежными тросами. Никто не пострадал при этом.

В то время, когда бомбы раскатывались по палубе, я снял телефонную трубку и позвонил Шабиеву.

-Как дела. Ахмет?- спрашиваю его. В ответ слышу звонкий шабиевский тенорок. –Хорошо. Только вот свет погас.

Оказывается, помимо всех прочих бедствий, Шабиев борется со стихией в полной темноте!

Затем Шабиеву позвонил его сослуживец Шергин. Он припомнил, что там на посту, в рундучке кто-то оставил два больших сухаря. Шабиев был рад каждому телефонному звонку. Это была единственная ниточка, которая связывала его с товарищами. Шабиев поблагодарил Шергина за сухари, которые хотя и размокли от соленой морской воды, но оказались необычайно вкусными.

На исходе вторых суток волнение в море значительно ослабло. Корму стало заливать меньше. Обвязавшись концами, чтобы не быть смытыми за борт, старшина второй статьи Шергин и еще двое моряков кинулись к люку, ведущему в пост матроса Шабиева, и освободили его из «водяного плена».

Ахмета я увидел лишь на следующий день незадолго до постановки корабля на якорь. Он сидел в президиуме комсомольского собрания. Закончив обсуждение неотложных вопросов, комсомольцы слушали рассказ своего секретаря о поведении членов ВЛКСМ во время шторма. Секретарь заявил, что поведение Ахмета Шабиева он считает достойным комсомольца-моряка, и предложил написать письмо его родителям, чтобы поблагодарить их за воспитание сына.

При этих словах круглое лицо Ахмета зарделось девичьим румянцем. Тут поднялся с места Шергин и сказал:

-Ты вот что. Ахмет, перестань смущаться, героям это не пристало. Понял?

И, повернувшись к комсомольцам, страстно заговорил:

-Шабиев безупречно выполняет воинскую присягу и наказ своих земляков. Я предлагаю написать о Шабиеве в республиканскую газету.

Предложение приняли единогласно, а ответственным за выполнение назначили меня, видимо, позабыв, что 1941 года я уже не являюсь комсомольцем.

Ну что ж, воля коллектива- для меня закон, и я ее выполняю с большим удовлетворением тем более, что мне предоставляется возможность от имени всех моряков поблагодарить родителей Ахмета- Мулланура Шабиева и Махупямал Шабиеву за воспитание сына, настоящего патриота нашей Родины, а комсомольцам деревни Бизяки и всего Бондюжского района пожелать быть такими же мужественными, не знающими усталости в борьбе, как наш матрос Ахмет Шабиев.

Мичман А.Швец, член КПСС

(из газеты «Советская Татария»)

Газета «Знамя Октября» Бондюжского РК КПСС и районного Совета, 29 октября 1958 года

Слава тебе, Ленинск

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Знамя ОКТАБРЯ

ОРГАН БОНДЮЖСКОГО РК КПСС И РАЙОННОГО СОВЕТА

год издания 23-й
№ 88 (1789)

Среда, 29 октября 1958 г.

Цена
10 коп.

Умножать славные традиции

1918 КОМСО

ТАЙФУН

В ту пору, когда на море бушевал жесточайший шторм, матрос-тихоокеанец Ахмет Шабиев из деревни Бизяки, Бондюжского района, Татарской республики, оказался в изолированном помещении. Почти двое суток он провел в одиночестве, в холодном, медленно затопляемом отсеке, ведя самоотверженную борьбу с водой. Ахмет Шабиев стал героем дня у нас на корабле, первым среди тех, кто своей волей, мужеством одержал нелегкую победу над разбушевавшейся стихией, имя которой тайфун.

☆ ☆

Тайфун... Это слово моряки произносят с таким же уважением, с каким настоящий джигит называет имя своего не менее храброго противника. Для малодушных и беспечных людей—это страшное слово.

Тайфун— это буря, ломающая на своем пути телеграфные столбы, вырывающая с корнем вековые деревья, разрушающая жилища и даже железнодорожное полотно. Налетая на корабли, тайфун опрокидывает их с необычайной легкостью. Одолеть его могут лишь те, кто привык уважать законы моря.

Тайфун шел на северо-запад со скоростью двадцать девять метров в секунду (около 105 километров в час), вздыбливая за собой море могучими и беспоря-

дочными фонтанами. Он захватил в свои смертельные объятия корабль и двое суток рвал свасти, сбивал волнами расположенные на палубе предметы вооружения, гнул и корбил корпус, обрушивая на нос и корму двухсоттонные массы воды. Лишь на третьи сутки, словно поняв, что такой орешек, как корабль, ему не по зубам, тайфун отступил, ревущий и озлобленный.

Шторм ушел дальше на север. И вот теперь, в относительно спокойной обстановке (если не брать во внимание качки, которая доходила временами до 37 градусов), видевшие виды моряки начали обсуждать минувшие события.

Много героических дел совершили матросы, старшины и офи-

завода. 1959 года. Трудился в счет Т. Шумилова.

церы корабля. Они мужественно боролись со стихией, обеспечивали судно бесперебойный ход, находясь порою на вахте по многучасов, совершали исключительно смелые поступки при выполнении боевых приказов. Но все это происходило на глазах у коллектива, при непосредственной поддержке и участии товарищей. А Шабиев сражался с тайфуном в одиночку. Вот о нем-то и пойдет рассказ.

Выполнив задание, корабль возвращался на базу. Ничто не нарушало привычного ритма походной жизни. На боевых постах шли обычные занятия и тренировки, какими насыщены матросские будни.

Первыми признаками надвигающегося тайфуна было резкое падение барометра. Примерно через полчаса усилились порывы ветра, почти сразу же достигшего ураганной силы. Первый водяной вал ударив с левого борта, разметал по палубе находившихся там моряков. Командир передал по боевой трансляции приказ, категорически запрещающий всякое движение по верхней палубе. Ахмет Шабиев, оставшийся после занятий у себя на боевом посту (пост этот находится в самой корме), чтобы (Окончание на 2-й стр.)

Горбузова, Волкова, Шергина, как правило, перевыполняют нормы выработки на 20 и больше процентов.

(Окончание).

сделать приборку, уже не мог выйти из помещения, так как по палубе „гуляла“ волна, и при первой же попытке выйти из помещения его выбросило бы за борт.

Первоначально как будто ничего страшного не было. Единственно, что беспокоило Шабиева—он не успел пообедать! А если моряк в штормовую погоду испытывает потребность в пище, то у нас это считается хорошим знаком, характеризующим волевые качества матроса.

С каждой минутой обстановка усложнялась. Набегавшая с кормы многотонная волна со страшной силой обрушивалась на стальную палубу, под которой находился Шабиев. Корабль резко кренился на борт или оседал кормой. Шабиева бросало из одного угла в другой. Он чувствовал себя словно в пустой железной бочке, которую поднимают высоко и с силой бросают о землю, а потом начинают стучать по ней тяжелыми молотами. Когда корму поднимают метров на двадцать пять вверх, а потом она начинает резко падать, то человеком овладевает неприятное чувство.

Волной выбило палубные фитинги. Вода через образовавшиеся отверстия полилась в помещение. Шабиев попытался забить отверстия, но из этого ничего не вышло. Очередной накат волны выбивал забитые им с превеликим трудом пробки. Вода прибывала, поднимаясь уже до колен.

Ахмет снял с себя вымокшую одежду. Стало легче работать.

варищей—дети Шергина, Вали Бочкарева и других было проведено первое организационное

на старшем помощнике нам. Комсомольцы Митя Щукин и Вали Бочкарев, узнав об этом,

а традиции комсомола живут в наших сердцах.

Н. Соловьев.

Т А Й Ф У Н

Шабиев меньше всего думал о себе. В посту находились ценные приборы. Их надо сохранить во что бы то ни стало.

Убедившись, что палубные отверстия заделать, не удастся, Шабиев принялся откачивать воду. Когда корма вздымалась через гребень волны, Шабиев открывал донные отверстия и вода вытекала за борт. Когда же корма опять начинала входить в воду, матрос спешно задривал отверстия и, схватив ведро, вычерпывал воду в раковину умывальника.

Так продолжалось часов десять. Шабиев перенес на верхние полки имущество, приборы, привязал их, укутал резиновыми комбинезонами. Сам же остался раздетым, в холодной воде, не ощущая ни холода, ни синяков, которые чуть ли не слышь покрыли его крепкое тело.

Вдруг на палубе раздался страшный грохот. Толстые стальные крепления бомбоскатов не выдержали ударов волны, и тяжелые глубинные бомбы раскатились по палубе.

За двадцать два года службы на флоте мне не раз довелось бывать в жестоких штормах и в других переделках. Но с таким положением, когда начиненными взрывчаткой бомбами играет на твоих глазах дьявольская сила, а сотни пар глаз с надстроек наблюдают за этой игрой, не в силах ее прекратить, я столкнулся впервые.

И все же моряки нашли умелое решение этой задачи. Часть бомб была выброшена за борт, а часть

закреплена надежными тросами. Никто не пострадал при этом.

В то время, когда бомбы раскатывались по палубе, я снял телефонную трубку и позвонил к Шабиеву.

— Как дела, Ахмет?—спрашиваю его. — В ответ слышу звонкий шабиевский тенорок:

— Хорошо. Только вот свет погас.

Оказывается, помимо всех прочих бедствий Шабиев борется со стихией в полной темноте.

Затем Шабиеву позвонил его сослуживец Шергин. Он припомнил, что там на посту, в рундучке кто-то оставил два больших сухари, которые хотя и размокли от соленой морской воды, но оказались необычайно вкусными.

На исходе вторых суток волнение на море значительно ослабло. Корму стало заливать меньше. Обвязавшись канатами, чтобы не быть смытыми за борт, старшина второй статьи Шергин и еще двое моряков кинулись к люку, ведущему в пост матроса Шабиева, и освободили его из „водяного плена“.

Ахмета я увидел лишь на следующий день незадолго до постановки корабля на якорь. Он сидел в призрачном комсомольского собрания. Закончив обсуждение неотложных вопросов, комсомольцы слушали рассказ своего секретаря о поведении

членов ВЛКСМ во время шторма. Секретарь заявил, что поведение Ахмета Шабиева он считает достойным комсомольца-моряка, и предложил написать письмо его родителям, чтобы поблагодарить их за воспитание сына.

При этих словах круглое лицо Ахмета зарделось девичьим румянцем. Тут поднялся с места Шергин и сказал:

— Ты вот что, Ахмет, перестань смущаться, героям это не пристало. Понял?

И, повернувшись к комсомольцам, страстно заговорил:

— Шабиев безупречно выполняет воинскую присягу и наказ своих земляков. Я предлагаю написать о Шабиеве в республиканскую газету.

Предложение приняли единогласно, а ответственным за выполнение назначили меня, видимо, позабыв, что с 1941 года я уже не являюсь комсомольцем.

Ну что ж, воля коллектива — для меня закон, и я ее выполняю с большим удовлетворением: тем более, что мне предоставляется возможность от имени всех моряков поблагодарить родителей Ахмета—Муллашура Шабиева и Махупяма Шабиеву — за воспитание сына, настоящего патриота нашей Родины, а комсомольцам деревни Бизяки и всего Бондюжского района позелать быть такими же мужественными, не знающими усталости в борьбе, как наш матрос Ахмет Шабиев.

Мичман А. ШВЕЦ.
Член КПСС.

(Из газеты „Советская Татария“).